

Хованский М.

**НЕВЕСТКА
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

М. А. Хованский
**Невестка Петра
Великого (сборник)**

«Алгоритм»

1889

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Хованский М. А.

Невестка Петра Великого (сборник) / М. А. Хованский —
«Алгоритм», 1889 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03905-8

М. А. Хованский – один из огромной армии российских литераторов второй половины XIX века, не оставивших яркого следа в российской словесности, но на которых, как на фундаменте строилось здание великой русской литературы. Биографических сведений о Хованском не сохранилось; не известно даже его имя. Предположительно жил в Санкт-Петербурге, где в 1880-х годах вышло три его книги: «Женское царство» (1887), «Жениться и быть счастливым: наука о супружестве» с приложением двух рассказов (1888), роман «Невестка Петра Великого» (1889), а также сочинение Августа Кюнера «Сон, бессонница и средства к предупреждению ее» (1887) в переводе с немецкого д-ра М. А. Хованского. В данном томе представлен роман «Невестка Петра Великого», знакомящий читателей с неизвестной, потаенной жизнью царского двора, главная героиня которого – немецкая принцесса Шарлотта, ненавидимая своим мужем, царевичем Алексеем. В том также включены несколько рассказов, объединенных вечной темой любви, являющейся главным женским символом во все века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03905-8

© Хованский М. А., 1889

© Алгоритм, 1889

Содержание

Невестка Петра Великого	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

М. Хованский
Невестка Петра Великого (сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Невестка Петра Великого

I

Петру Великому минуло только шестнадцать лет, когда в 1689 году он женился на Евдокии Федоровне Лопухиной. В следующем году она родила ему сына, которому дали имя Алексей. Когда Алексею было девять лет, мать его была отвергнута царем, заключена в Суздальский монастырь и пострижена под именем Елены. В 1711 году Петр I женился на Екатерине Скавронской. Алексею было тогда двадцать два года. Это обстоятельство уже с самой молодости царевича восстановило его против отца и побудило его стать на сторону врагов Петра, которых было немало. Это, впрочем, судьба всех великих людей, призванных производить большие перевороты в нравах или управлении народов. Не постигая общих благ, которые видятся преобразователю, народ не в состоянии отрешиться от старых привычек и находит врага в человеке, искренне желающем ему добра. Бояре издевались над затеями (как они говорили) Петра I, стрельцы замыслили против него заговор с целью убить его; все, кто был недоволен нововведениями Петра, возненавидели его, потому что одним новые законы наносили ущерб, уменьшая их общественное значение, их власть и привилегии, другим эти законы вредили тем, что подрывали верование, их суеверие и мирозерцание. Семейство Лопухиных, имевшее счастье породниться и надеявшееся через это родство когда-нибудь разделить с ним царскую власть, с негодованием, злобной враждой смотрело на реформы Петра, которые должны были удалить их от престола; потому они задумали вместе с Евдокией тайный заговор.

По этой причине Петру, решительному во всех своих действиях, пришлось отвергнуть жену, чтобы уничтожить зло у самого корня.

В характере Петра I преобладали две черты: справедливость и жестокость. Вторая черта принадлежала духу времени и развилась в нем благодаря недостатку воспитания и твердому убеждению, что нет ничего невозможного. Это ложное убеждение он усвоил потому, что действительно своей удивительной энергией достигал всего, чего желал. Следствием этого была раздражительность, не допускавшая малейшего противоречия, которое вызывало в нем взрыв гнева и жестокую месть. Видя почти всеобщее недовольство в народе и тайное сопротивление его политике, он везде подозревал измену, а так как он свое государство любил даже больше своих детей, то, опасаясь посягательств на нововведения, не щадил никого и, чтобы вырвать зло с корнем, жестоко карал виновных в малейшем преступлении; в этой строгости, из любви к своему государству, он дошел до утраты семейных чувств. Он лишился всякой привязанности к жене, к сестрам, которых без сожаления заключил в монастыри, и собственноручно жестоко бил сына кнутом.

В то же время, как мы сказали, Петр I был справедливым. Как-то царь обедал у одного иностранного купца и увидел его замужнюю дочь необыкновенной красоты. Царь сильно увлекся ей и пустил в ход все свое красноречие, чтобы завоевать ее любовь. Благородная женщина отвергла все его ухаживания. Но, опасаясь дурных последствий страсти раздражительного и могущественнейшего человека в государстве, собрала некоторую сумму денег и в тот же день тайком убежала из отцовского дома.

Она отправилась в деревню, где жила ее мамка, жена крестьянина; последний по ее желанию выстроил для нее в лесу хижину, где беглянка и поселилась. Верная мамка приносила ей ежедневно все необходимое для жизни.

На другой день после бегства красавицы царь пришел к купцу навеститься о его дочери. Дрожащим голосом отец рассказал о ее исчезновении. Царь вспылил и приказал немедленно

обыскать дом купца и всех его родственников; однако все розыски, конечно, оказались напрасными.

Целый год о беглянке ничего не слышали. Ее муж между тем умер, и ее также считали умершей. Но через год после бегства, ее случайно увидел полковник, охотившийся в лесу, где находилась ее хижина. Ему удалось успокоить ее насчет любовных преследований царя и уговорить возвратиться в дом своего родителя. Полковник объявил о своей находке царице, и она сама повела ее к царю. Добродетельная женщина подробно рассказала ему о своих страданиях, которые она вытерпела. Царь, тронутый до глубины сердца, сам почувствовал себя виноватым. Он обещал вознаградить ее за причиненное ей зло: действительно, он выдал молодую вдову замуж за полковника, который ее нашел, сделал новобрачным щедрые подарки и назначил прежнему предмету своей страсти ежегодную пенсию в три тысячи рублей.

Таков был Петр Великий, грозный в своем гневе и великодушный в своей благосклонности; он весь предавался жестокости, когда находил нужным карать, и был беспредельно добр, когда справедливость требовала вознаграждения.

Природная необузданность выказывалась даже в его увеселениях, в его пирах, в его кутежах. Он не щадил своего здоровья и на вечерах напивался до крайности.

Эта необузданность нрава Петра стала причиной громадной ошибки величайшего в истории человечества монарха. Сознывая необходимость пересоздать свое государство, Петр со своей беспредельной энергией и лихорадочной деятельностью решил совершить это гигантское дело быстро, вдруг. Не считаясь ни с какими жертвами, он удалял всякое препятствие богатырской силой, на которую способна только крайняя жестокость. Он, как разъяренный лев, ломал, уничтожал все, что ему мешало на пути к желаемой цели. Непобедимое желание видеть свой грубый народ на высоте других цивилизованных народов не давало ему покоя, лишало его возможности трезвым умом рассудить, что такая внезапная ломка если и возможна, то не нужна особенно в России, где добродушный народ восприимчив к цивилизации и без кровопролития и жестоких мер, которыми он пользовался для исполнения своих желаний. Россия и без всяких крутых мер всегда способна была достигнуть высшего развития. В царствование внуков и правнуков Петра Россия сделала гигантские шаги на поприще прогресса, без всяких крайностей, которыми Петру удалось только поставить народ на первую ступень европейской цивилизации. Петр неизмеримо велик тем, что положил начало всему хорошему, когда еще никто не осознавал необходимости улучшения. Но гораздо больше величия нужно признавать за его потомками, которые кроткими, человеческими мерами поставили Россию не только наравне, но даже выше других европейских государств. Он велик своим искренним желанием, своей беспредельной любовью к народу, своей самоотверженностью, не знавшей границ, своей любознательностью, деятельностью на пользу своего государства. Но он своими крутыми мерами стеснял свой народ и вместо друзей приобрел врагов.

Совсем не похож на Петра был сын его, царевич Алексей Петрович. Его воспитанием занимались бездарные учителя. Самому царю некогда было обращать серьезное внимание на сына. Петр разъезжал по странам Европы, собирая разного рода знания, чтобы употребить их во благо своего государства. Русский народ лежал ближе к его сердцу, чем воспитание сына. Мысли его были заняты постройкой флота, стремлением установить торговлю с иностранцами, строить города в лесах и степях, создать новые учреждения в европейском вкусе и ввести между своими неразвитыми подданными нравы образованных стран. В отсутствие отца наследник престола окружил себя боярами, недовольными нововведениями Петра, и суеверными, невежественными попами, которые возлагали на Алексея свои надежды восстановить все старое, разрушенное его отцом. С самой первой молодости царевич усвоил себе предрассудки черни и сочувствовал ненависти последней к полезным учреждениям своего великого отца. Алексей стал ненавидеть все, что исходило от мудрого монарха, – все, что любил Петр, то ненавидел Алексей, все, что огорчало отца, то радовало сына; он постоянно кутил в обществе без-

нравственных сверстников своих и оттого чувствовал неодолимое отвращение к физическому труду и умственной деятельности. Вражде к отцу содействовала также судьба его матери, Евдокии Лопухиной, которая принадлежала к партии ненавистников Петровских реформ. Царевич одичал в такой пагубной среде, его обращение сделалось грубым, и он стал нечистоплотным, как это бывает со всеми предающимися чрезмерному пьянству.

Все увещания Петра и его старания обратить сына на благоразумный путь остались безуспешными. В обществе развратных людей и попов, одобрявших его неповиновение отцу, он закалился во лжи и упрямстве. Так, однажды царь спросил его, помнит ли он еще то, чему учился за границей.

– Ну как же, – отвечал Алексей самоуверенно, – все помню!

– Покажи мне твои рисунки планов фортификации.

Царевич принес ему планы, рисованные профессорами, у которых он учился.

Взглянув на планы, царь засомневался и своим проницательным умом заподозрил подлог.

– Ну-ка, – сказал он сыну, – нарисуй мне этот план.

Царевич пошел в другую комнату за принадлежностями для рисования и там нарочно ранил себе руку острым инструментом так, что он не мог ею рисовать.

Алексей начал чертить так неловко, что Петр должен был заметить пораненную руку и отложить испытание на другое время. На вопрос отца, где он повредил себе руку, Алексей солгал, что нечаянно себя ранил, отыскивая инструмент для рисования.

Царевич только делал вид, что покорен отцу, а в глубине души желал его смерти. Поэтому немудрено, что Алексей сделался домашним мучителем своей жены Шарлотты, иностранки, навязанной ему отцом.

II

Несчастливая царевна была вторая дочь герцога Вольфенбютельского, воспитанная при дворе польского короля Августа Саксонского. Старый герцог, ее отец, принадлежал к древнему роду гвельфов и был связан родством почти со всеми королями того времени.

В последние два века существовали дипломаты, главное занятие которых состояло в сватовстве в кругу коронованных особ. Они разъезжали от одного двора к другому, вырабатывали разные комбинации, предлагали их правительствам и усердно хлопотали об успехе своих предложений. В 1707 году барон Урбиг, представитель Дании в Вене, принялся осуществлять брачный союз между испанским Карлом VI, будущим австрийским императором, с Елизаветой, старшей дочерью герцога Вольфенбютельского. В это время Гюйсен, гувернер царевича Алексея, проезжал через Вену. Урбиг, у которого были еще на руках две невесты из дома Вольфенбютель, обратился к нему и изложил ему выгоды, если одна сестра будет на австрийском престоле, а другая на русском. Гувернер Алексея Петровича представил царю этот план. Петр Великий, желавший, чтобы сын его женился непременно на иностранке, охотно согласился на бракосочетание царевича Алексея Петровича с Шарлоттой.

С этой целью летом 1710 года, когда царевич находился на водах в Карлсбаде, устроили ему свидание с Шарлоттой. Первая встреча не произвела на царевича очень приятного впечатления. Шарлотта не отличалась броской красотой, а царевич, проведя всю свою молодость в среде грубых, низких и развратных людей, не мог по достоинству оценить грациозность молодой принцессы, ее восхитительную манеру общения и величественную осанку. В его характере преобладала чувственность, и, вероятно, благодаря этому физическому желанию он со всей страстью молодости увлекся крепостной девушкой своего воспитателя, князя Никифора Кондратьевича Вяземского, Афросиной, которая овладела всем его существом. Царевич же со

своей стороны понравился Шарлотте. Он обладал приятной наружностью и, если хотел, мог быть любезным.

Антипатия царевича к Шарлотте увеличилась еще ненавистью его ко всему иностранному. Поэтому он всячески старался расстроить этот брак, а чтобы не раздражать отца, царевич по приезде в Дрезден сделал вид, будто ухаживает за другими принцессами.

Однако Петр скоро понял уловки сына и в конце 1710 года приказал отправиться к польской королеве просить у нее руку ее воспитанницы. Царевич повиновался, но с плохо скрываемым недовольством. Молодая невеста писала тогда своей матери: «Кажется, жених мой очень равнодушен ко всем женщинам» (вероятно, она не желала признаться, что он был равнодушен именно к ней). Царевич со своей стороны писал своему духовному отцу Иакову Игнатьеву, главному своему наставнику: «Так как отец мой не позволяет мне жениться на одной из наших соотечественниц и непременно требует, чтобы моей женой сделалась иностранка, то все равно кто бы она ни была – пусть ею будет хоть Шарлотта – она добрая девушка, между иностранками не найду лучшей».

Как видно, Шарлотта сделалась невестой царевича не по выбору его сердца, а по желанию Петра, и неудивительно, что в скором времени его холодность к ней превратилась в открытую ненависть, тем более что его любовница Афросина разжигала в нем страсть все больше и безгранично очаровала его.

Но свадьба состоялась. Четырнадцатого октября 1711 года в Торгау, в присутствии царя, польской королевы, канцлера Головкина и семейства Вольфенбютельского, русский священник обвенчал царевича с дочерью герцога Вольфенбютельского.

Два дня посвятили свадебным празднествам. В эти дни произошел случай, еще более усиливший в цесаревиче неприязненное чувство к Шарлотте. После венчания в Торгау Петр призвал принцессу к окну, где стоял Алексей, и, обращаясь к нему, сказал:

– Я теперь возлагаю всю свою надежду на влияние умной, добродетельной жены твоей; если ты и в этой школе не справишься и не откажешься от старых обычаев, и бородачи все еще будут туманить тебе голову, то ты останешься негодным навек.

Цесаревич с тех пор относился к своей жене с подозрением; он постоянно видел в ней доносчицу; предполагая, что царевна часто жаловалась на него царю.

На третий день Петр, всегда энергичный, деятельный, ненавидящий праздность, уехал из Торгау, а сыну приказал отправиться в Торн и подготовить там прием тридцати тысяч русских, которые должны были вступить в Померанию.

Алексей Петрович отвез жену в Вольфенбютель и седьмого ноября направился в Торн.

По истечении месяца Шарлотта оставила родительский очаг, где она, обожаемая всеми, счастливо проводила свою молодость, и поехала к мужу в Померанию.

С этих пор начинаются горести и адские муки несчастной принцессы. Во время пребывания в Торне бедная принцесса подвергалась безжалостным нравственным пыткам. Отношение мужа к ней начало проявляться в своем настоящем свете: царевич все ночи проводил в развратном обществе, предаваясь соблазнительному кутежу и поздно возвращаясь домой пьяным. Можно себе представить, какие это были муки для брошенной семнадцатилетней жены, не имевшей друга, с кем она могла бы советоваться, беззащитной и окруженной эгоистическими, жадными царедворцами!

Несмотря на отвращение к военному делу, царевич вынужден был следовать за отцом, осаждавшим Штеттин, и принцесса должна была таскаться в неудобном экипаже по дурным дорогам за повозками войска, терпя нужду, страдая от непогоды, среди грубых людей, не зная ни их нравов, ни их языка. Она нуждалась в самом необходимом для обыденной жизни. Ей не платили денег на содержание. Ее немецкий штат, раздраженный нуждой, начал высказывать недовольство и интриговать.

Однако Шарлотта любила своего мужа – хотя не по влечению сердца, а по чувству долга – чувству, свойственному вообще истинным немкам. Шесть месяцев после свадьбы она писала своей матери: «Я замужем за человеком, нисколько не любящим меня, но я ему предана по долгу совести. Царь со мной любезен, царица делает вид, что меня любит, но в действительности она меня ненавидит. Мое положение ужасно!»

Наконец русские войска оставили Эльбинг, и Шарлотта получила от царя приказание последовать за ними в Ригу. Молодая царевна, испуганная тем, что должна оставить навсегда родную страну и отправиться в неведомое ей государство, тоскуя по родным, убежала обратно в Вольфенбютель, где провела всю зиму 1712 года. К весне царь приехал в Ганновер, обласкал невестку, сделал ей подарки и отправил ее в Петербург, дав ей на путевые расходы несколько тысяч гульденов. В июне 1713 года царевна Шарлотта приехала в новую русскую столицу, где была обрадована великолепным приемом. В это время царевич был на Ладогe по какому-то поручению от царя. Усталый от трудов, которые навязал ему царь в течение целого года, царевич считал себя счастливым только тогда, когда он мог предаваться праздности, и потому искренно обрадовался приезду жены, давшему ему возможность наслаждаться негой, а возвратившись с Ладоги выказал жене неожиданные любезности. Царевна, разбитая телом и душой от перенесенных страданий, готовая ко всяким неприятностям, увидела в этом луч доброй надежды, и в восторге увлечения, свойственного восемнадцатилетним особам, кидается в крайность, воображая то, чего совсем нет. Она пишет опять своей матери: «Я люблю мужа безгранично и надеюсь быть с ним счастливой».

К этому в скором времени прибавилась еще другая радость, на которую женщины, несчастные в первое время супружества, обыкновенно возлагают свою надежду возвратить утраченную любовь мужа: она чувствовала себя беременной. Но увы! Этот женский расчет не оправдался: Алексей Петрович через несколько недель опять впал в угрюмое состояние, начал по-прежнему показывать свой дикий нрав и снова предался грубому разврату. Он проводил целые ночи в обществе молодых людей, столь же грубых кутил, как он сам. Не проходило дня, когда бедная царевна не выслушивала от своего мужа самые гнусные оскорбления и жестокие угрозы. Она была рада, когда он не приходил к ней. Чаще всего он являлся к ней в пьяном виде, без ума и памяти, чтобы излить на нее свою желчь и охладить свой гнев, возбужденный в нем против царя попами, боярами, матерью, заключенной в монастырь, где она вела со своим любовником Глебовым политические интриги, теткой, княжной Марией, разделявшей ненависть к царю покинутой царицы Евдокии.

Приходя к жене пьяным, царевич обыкновенно кричал: «Царь не железный! Когда я вступлю на престол, сударыня, то нашему замужеству настанет конец и я вас заточу в тот же монастырь, где теперь томится моя невинная мать».

Коварного канцлера Головкина, в вознаграждение за его сводничество, я живого посажу на кол, он виноват, что я должен был жениться на немке. И князя Меншикова я также посажу на кол для компании с Головкиным. Любимцы царя будут охотиться в Сибири за соболем, а всех немцев, этих искателей приключений, со своими новыми нравами я кнутами выгоню из России, как несносных гадов».

Однажды вечером Алексей вошел в кабинет царевны пасмурный и выпивший. Шарлотта подошла к нему с ласковым выражением лица, собираясь просить его принять на службу какого-то иностранца. Едва она произнесла имя этого просителя, как он взглянул на нее сурово и приказал ей замолчать. Она повиновалась и в испуге хотела уйти из кабинета.

– Куда? – крикнул он и, схватив ее за руку, бросил с силой на середину комнаты, где, к счастью, стояло мягкое кресло, на которое она и упала. – Вероятно, вы опять хотите идти жаловаться на меня царю, который при всех осыпает меня упреками? Но, сударыня, меня уже утомляют ваши коварные происки, я вам запрещаю усиливать гнев моего отца.

Бедная царевна от испуга не могла произнести ни слова. Она плакала и протягивала руки к мужу, но он не обращал на нее никакого внимания и продолжал свои угрозы:

– Горе вам, если вы вздумаете опять жаловаться на меня государю. Клянусь вам, что я тогда иначе поступлю с вами.

– Но, – отвечала царевна, – кто так злобно оклеветал меня перед моим супругом. Я никогда не сказала царю ни одного слова во вред моему мужу.

– Я все знаю, – закричал царевич, – вы не можете оправдываться. У меня больше друзей, чем у государя и его иностранных приятелей. Придет время, когда я смогу отомстить вам.

– Прошу только об одной милости, – отвечала царевна, – назовите мне тех, кто уверял вас, что я жаловалась его величеству, и если я виновата, то я достойна вашей ненависти, если же я окажусь невиноватой, то не отвергайте любви преданной жены. Позвольте мне по крайней мере оправдаться и отклонить ваше подозрение.

Царевич опять приказал ей молчать и еще более сурово повторил свои угрозы, если она будет болтать царю. Шарлотта плакала и, протягивая руки, хотела броситься на его грудь, но он грубо оттолкнул ее с такой силой, что она ударилась головой об стену, отчего лоб у нее сильно распух. Царевич же, не обращая внимания на жену, быстро вышел из кабинета и с яростью захлопнул за собой дверь.

Долго Шарлотта лежала без чувств в кресле, наконец сильный поток слез облегчил ее сердце, она встала и хотела пройтись по комнате, но ее колени подгибались, и она упала на ковер, покрывавший пол. Усердно помолвившись, она почувствовала некоторое успокоение. Явившимся по ее звонку и напуганным растерзанным видом своей госпожи камерфрейлинам Шарлотта объяснила, что по собственной неосторожности упала и расшиблась.

Несмотря на все старания, на безграничную самоотверженность царевны с целью приобрести расположение мужа, последний продолжал обращаться с ней с непримиримой жестокостью. Ни ее заступничество перед царем, когда Петр в своем гневе осыпал ее мужа упреками, ни ласки, ни слезы не могли тронуть бесчувственного сердца царевича, загрубевшего в обществе низких и развратных людей. Подарки жены, сделанные ее собственными руками, Алексей тотчас же дарил своей любовнице Афросине, которая имела нахальство носить их открыто.

Брань между молодыми супругами часто происходила и от такой странной причины, которую трудно предполагать в царском доме, как нужда в деньгах. Молодая принцесса затруднялась в содержании лиц своего маленького немецкого двора. Ее сердце болело при виде нужды тех особ, которые из любви к ней оставили свою родину, чтобы следовать за ней в чужую страну, в городе, где еще трудно было найти жилище. Но ей самой часто недоставало самого необходимого для жизни: из казначейства ей стали выплачивать деньги на содержание не в срок и не сполна. Между тем уже скоро после прибытия в Петербург случались непредвиденные расходы, например, издержки на экипажи и лошадей. Царь обещал своей невестке подарить экипаж и лошадей, но это обещание не было исполнено под предлогом, что в Петербурге негде купить. У Шарлотты был экипаж, полученный ею в Торне от Меншикова, в Петербурге царица подарила ей карету с лошадьми; третий экипаж царевна купила на свои деньги. Но все эти экипажи были очень плохие. Зимой генерал Вейде продавал своих лошадей за шестьсот рублей. Царевна попросила царицу напомнить Петру о его обещании подарить ей лошадей и сказать, что теперь их можно купить у Вейде. Через несколько дней царь дал ей знать через Екатерину, что она может взять у Вейде лошадей, что он ей дарит их, а деньги генералу будут уплачены Сенатом. Но прошло четыре месяца, а Вейде так и не получил своих денег, и Шарлотта должна была возвратить ему лошадей. Все ее жалобы ни к чему не привели, а к царю нельзя было подступиться, от него ничего нельзя было добиться, у него никогда не было времени. Она всегда терпела нужду во всем.

Вскоре бедной царевне суждено было снести другое, более унижительное оскорбление.

В один прекрасный солнечный день она узнала, что царевич гуляет в дворцовом саду. Она оделась, пошла в сад, чтобы погулять вместе с мужем и занять его беседой. Войдя в сад, она увидела его издали сидящим на скамейке рядом с Афросиной и нежно державшим ее за руку. Афросина громко хохотала и рукой закрывала царевичу рот, как будто не хотела слышать милых шуток своего поклонника.

Шарлотта остановилась, как молнией пораженная, едва дыша, совершенно уничтоженная. Афросина заметила ее, вскочила со скамейки и хотела убежать, царевич удерживал ее, взглянул на жену и, в свою очередь, расхохотался. Однако Афросина вырвалась от него и побежала по аллее. Алексей продолжал необузданно хохотать, несколько раз звал Афросину, приговаривая: «Фрося, не будь дурочкой!» Затем он скорыми шагами последовал за ней, несколько не заботясь о своей убитой горем, оскорбленной жене, искренне желавшей в эту минуту смерти, которая одна могла освободить ее от невыносимых страданий.

Следствием грубого и оскорбительного обращения царевича с женой было то, что она, сначала любившая, стала его ненавидеть. За несколько недель до родов Шарлотты царевич уехал в Карлсбад, не предупредив ее ни одним словом. Только когда уже подъехала почтовая карета к его дверям, он попрощался с женой четырьмя словами:

– Прощай! Еду в Карлсбад!

Таков был муж Шарлотты.

Петр с царицей был тогда в Финляндии, Шарлотта осталась одна с тремя старухами, которых против ее воли ей навязали, чтобы наблюдать за родами и удостовериться в действительности рождения царского ребенка. В это время она пишет с отчаянием своей матери: «Я сделалась несчастной жертвой нашего дома, хотя я этим не приносила ему никакой пользы. Я от горя умираю медленной смертью».

В течение шести месяцев она не имела никаких известий от своего мужа, только дочка, родившаяся в июле 1714 года, доставляла ей некоторое утешение. По приезде царевича, он не подавал ей ни луча надежды на благосклонное обращение с ней. Зимой 1715 года в течение ее второй беременности он ее открыто оскорбил самым жестоким образом: он взял к себе в дом, где жила жена, свою крепостную любовницу – Афросину. Шарлотта с достоинством выдержала этот крайне жестокий удар. Вебер, ганноверский посол в Петербурге, говорит в своих записках:

«Эта несчастная царевна с твердостью переносит свое горе, одни стены видят ее слезы».

После долгого пребывания в Карлсбаде Алексей Петрович наконец возвратился в Петербург и только два дня спустя удостоил жену своим посещением. Шарлотта встретила его с новорожденной Натальей на руках, надеясь, что родительское чувство смягчит его сердце и улыбка невинности вызовет нежность отца к матери. Но Алексей вооружился ледяной холодностью и, чтобы избежать всякого нежного слова, пришел не один, а в сопровождении генерала Глебова, самого хитрого льстеца. Несмотря на присутствие постороннего, Шарлотта с нежной улыбкой поспешила к нему навстречу, показала ему ребенка и высказала ему все, что только любовь и верность могли внушить ей. Но царевич оставался немым и не проявил к ней ни любви, ни малейшей привязанности, как будто был ей совершенно чужой. Он не обнял жены, не поцеловал ребенка и даже не пытался изобразить на своем лице улыбку. Он только спросил ее в общих выражениях о состоянии ее здоровья и ее времяпрепровождении и предоставил Глебову занимать царевну грубой лестью. Через полчаса он оставил жену, которая в своем уединении предавалась горю и пролиwała горькие слезы.

Царевич откровенно сознался, что желает развода, и Шарлотта считала это величайшим счастьем для себя. Но оба знали, что им нельзя надеяться на согласие царя.

Шарлотта обратилась к князю Меншикову, любимцу государя, и просила его узнать мнение царя на сей счет. При удобном случае Меншиков со свойственной ему ловкостью намекнул царю на возможность развода царевича, но Петр так рассердился, что в другой раз князь не смел коснуться этого дела.

– Горе Алексею! – воскликнул царь. – Только благодаря этому ангелу, его жене, только из любви и уважения к ней я до сих пор не наказывал этого изверга, этого недостойного, непокорного сына, который ежедневно отравляет сердце отца. Горе ему, если он лишится покровительства его доброй жены.

Хотя Меншиков уверял государя, что мысль о разводе не возникла в голове царевича, что это была его собственная идея, но царь все же продолжал подозревать в этом царевича, по крайней мере это можно было заключить по более суровому обращению государя со своим сыном с тех пор, как Меншиков намекнул на развод.

Гнев царя на сына отразился на царевне. Алексей был уверен, что жена нажаловалась на него государю, и потому со своей стороны стал еще более мучить ее. Однажды он даже подкупил ее повара, чтобы тот отравил царевну, но благодаря искусству лейб-медика царя удалось спасти несчастную. Она отделалась болезнью в течение нескольких недель.

Это покушение по желанию Шарлотты все хранили в глубокой тайне.

В течение всей болезни царевич ни разу не посетил жены, даже не присылал навеститься о ее здоровье, чтобы хотя бы соблюсти приличия.

III

За несколько лет до женитьбы царевича по всей Европе распространилась слава победы русских войск над шведами при Полтаве, и под победоносные знамена Петра Великого начали стекаться многие французские и немецкие юноши, чтобы занять видное положение на военной службе у этого видного монарха. В их числе был граф Альбрехт Моргеншейн. Он принадлежал к одному из знатнейших семейств Германии и получил блестящее образование в доме своих богатых родителей. На семнадцатом году поступил в Гейдельбергский университет, где три года слушал лекции по земледелию ученийших профессоров того времени. Кончив курс обучения, он предпринял путешествие по Германии, чтобы обогатить на практике свои теоретические познания посещением больших поместий разных местностей. Во время этого путешествия у него произошла встреча, перевернувшая всю его жизнь. Вскоре после этой встречи Альбрехт, разочарованный, усталый от путешествия, которое более не занимало его, вернулся домой. Мирное земледелие перестало привлекать его, и он жаждал более кипучей деятельности и шумных развлечений. Альбрехт последовал примеру других, отправился в Россию, поступил служить на флот, созданный неиссякаемой энергией преобразователя Русского государства. Молодой граф надеялся забыть свою грусть в деятельной и беспокойной жизни военного, участвующего в сражениях. На службе Альбрехт отличался храбростью, а в незабвенный для России день морского сражения под Аландскими островами, где Петр Великий приобрел славу морского героя, как при Полтаве снискал известность храброго полководца, Альбрехт имел счастье сражаться на глазах царя, от которого не ускользнуло его усердие. Когда почти весь шведский флот под командованием вице-адмирала Эреншильда оказался добычей русских и был привезен в Обо, царь был в очень веселом расположении духа. Многие знатные офицеры и генералы пришли поздравить его с победой, и царь воскликнул:

– Кто двадцать лет назад мог подумать, что мы, русские, на собственных, нами самими выстроенных кораблях дадим сражение на Балтийском море и одержим победу?

После того как царь отдал приказание направить русский флот к Аландским островам, чтобы занять их, он велел призвать к себе Альбрехта, выпил залпом чарку водки и сказал:

– Молодой человек, ты очень храбро сражался, как тебя зовут?

– Граф Альбрехт Моргеншейн, ваше величество, – отвечал Альбрехт.

– Хорошо! Ты будешь полковником! Ступай на твой пост и служи впредь, как сегодня!

Милость царя глубоко тронула молодого офицера, и он воспользовался благоприятным моментом, чтобы просить царя об отставке, так как смерть его отца и судебные процессы по наследству требовали присутствия Альбрехта на родине. Царь выслушал его молча и сказал:

– Я неохотно расстаюсь с храбрыми людьми, но я тебя отпускаю, так как это для тебя необходимо.

По возвращении в Петербург Альбрехт получил формальный отпуск и приглашение участвовать во всех празднествах двора во все время его пребывания в Петербурге.

По случаю славной победы над шведским флотом при дворе Петра устраивались разные увеселения, и, между прочим, в один вечер царь дал в Петергофе блестящий бал для развлечения царевны Шарлотты, которая, как мы знаем, вела очень грустную жизнь при русском дворе. Альбрехт, конечно, воспользовался полученным приглашением и также явился на бал.

Когда он вошел в Петергофский дворец, приемный зал уже был полон гостями: генералами, офицерами, дипломатами. После представления царю гостей открылась дверь, и вошла царевна, опираясь на руку Остфризской. Все взоры обратились к ней.

Взглянув на вошедшую царевну, Альбрехт остолбенел; он испугался, задрожал и почувствовал себя уничтоженным, подобно Семеле, увидевшей Юпитера в полном величии и ослепительном, олимпийском блеске. В его глазах потемнело, он не верил тому, что представлялось его взорам; его колени подгибались, и он чуть не упал в обморок. Ему живо вспомнился тот знаменательный для него случай, когда, проезжая мимо горы Гарца около Бланкенбурга, он отослал свой экипаж в ближайший город, а сам отправился пешком по возвышенностям лесистого Гарца, любуясь прелестями дикой лесной природы. Он шел по тропинке, тянувшейся вдоль большой дороги в густом лесу. Мало-помалу тропинка незаметно удалялась от дороги и терялась в гуще леса. Большая дорога исчезала из вида путешественника, и он не знал, куда идти дальше. Между тем стало темнеть, и молодой граф собрался переночевать на мягкой траве, несмотря на угрозу оказаться добычей диких зверей, которыми изобиловал лес. С этим намерением он начал приискивать место, удобное для ночлега. Он увидел небольшой луг, покрытый высокой густой травой. Между тем как он стоял в нерешимости, оставаться ли ему здесь или нет, на другой стороне луга из темного леса появились две молодые женщины, которые, увидев графа, стали звать его к себе. Обрадованный, что встретил людей в этой глуши, Альбрехт поспешил к ним. По простым, но изящным платьям молодых женщин, граф заключил, что они из хорошего дома, а по их испуганным лицам догадался, что с ними случилось что-то неприятное.

Когда Альбрехт подошел очень близко к женщинам, младшая из них сказала ему:

– Мы заблудились, выведите нас, пожалуйста, к охотничьему домику, который, вероятно, не более четверти часа ходьбы отсюда.

Голос молодой женщины звучал чрезвычайно нежно, черты ее лица показались графу очень симпатичными и пленительными, фигура в высшей степени грациозной и черные глаза сверкающими, подобно звездам в темной ночи; ему казалось, будто перед ним стоит очаровательная лесная богиня. Он растерялся и не знал что отвечать. Но опомнившись, граф, несмотря на то, что был в первый раз в этой местности и находился в таком же положении, как заблудившиеся незнакомки, вызвался проводить их, не желая терять из вида таких прелестных женщин.

Граф повел их по тому направлению, по которому они пришли к лугу. Когда дамы устали от ходьбы и сели на траву отдохнуть, то спросили графа, откуда он и как его зовут. Граф представился и рассказал, как он попал в этот лес.

– Как! – воскликнула младшая. – Вы здесь чужой, сами заблудились и хотите быть нашим проводником?

– Искреннее желание вывести вас из затруднительного положения поможет мне найти дорогу, – отвечал Альбрехт, слегка краснея.

– Вы очень любезны, майн герр, – отвечала милая незнакомка, грациозно ему поклонившись и доверчиво взяв его руку, оперлась на нее.

Старшая дама также немного устала и опиралась на другую руку проводника. Альбрехт чувствовал себя перенесенным на небо и гуляющим между двумя эфирными существами. От восторга он сделался разговорчивее, язык у него развязался, речи его стали смелее.

– Много ли таких сильфид, как вы, в этом лесу? – осмелился он спросить.

– О существовании сильфид в этом лесу мы не слышали, – отвечала старшая, смеясь, – но крестьяне говорят, что в нем водится много хищных зверей, и мы можем вас уверить, что не принадлежим к числу их.

– В таком случае вы были очень храбры, отправляясь на прогулку без мужской защиты.

– А вы разве убеждены, что мужчины менее боятся опасности, чем женщины? – возразила она. – Их эгоизм и постоянная предусмотрительность часто делают их гораздо трусливее нас.

– Не спорю, но из вежливости и нежелания показаться перед прекрасным полом трусами, они, невзирая на опасность, вызываются быть опорой тех, кто физически слабее их.

– Не все способны на такую благородную самоотверженность, как вы, любезный кавалер, – отвечала младшая с грациозным наклоном головы.

В таких шуточных разговорах они незаметно добрались до охотничьего домика, где стоял элегантный экипаж. Дамы поблагодарили своего спутника, сели в экипаж и уехали.

Альбрехт несколько минут стоял как вкопанный, потом опомнился и пустился вдогонку за уехавшим экипажем. Ему хотелось еще раз хоть взглянуть на лесное явление; но экипаж быстро укатил и скоро совсем исчез из его глаз. Он попытался узнать кое-что о занимавших его женщинах в окрестных селах, но никто не мог ему дать ни малейших сведений о них. Знали только, что утром из главного города приехали какие-то господа на охоту и среди них находился блестящий экипаж с двумя молодыми дамами.

Альбрехт был в отчаянии и должен был остаться в селе ночевать. Утром, чуть свет, он с невыразимой грустью отправился в ближайший город, где его ждал экипаж. Но образ младшей сильфиды занимал все его мысли – она составляла единственный предмет его мечтаний, и он совсем забыл о цели своего путешествия. Он припоминал каждую черту ее милого лица, каждое движение ее грациозного тела, каждое ее слово и каждую ее улыбку. Он начал рисовать на память ее симпатичный образ, и наконец ему удалось воспроизвести его на бумаге с такою точностью, что в восторге воскликнул:

– Это она, я ее нашел, теперь не оставлю ее до последнего дыхания, и она не оставит меня в гробу...

Он поместил портрет в медальон и носил его на груди.

И вот теперь перед ним стояла та молодая женщина, которую он видел в лесу Гарца, которая опиралась на его руку и которую он провожал до охотничьего домика. Но теперь это была царевна, жена наследника российского престола, сестра австрийской императрицы; между предметом его прежних мечтаний и им было теперь такое же расстояние, как между солнцем и землей. Он даже не смел больше взглянуть на нее.

Все гости были представлены царевне, между прочими, конечно, и граф Альбрехт; он подошел к ней в сильном смущении, а царевна, когда гофмейстер назвал имя Альбрехта, воскликнула:

– Граф Альбрехт Моргеншейн?

Затем пристально посмотрев на графа, она прибавила с некоторым сомнением:

– Я помню это имя, и мне кажется, что я раз уже вас видела где-то, может быть, в Германии. – В то время, когда она это говорила, на лице ее появился легкий румянец.

Альбрехт задрожал всем телом и не был в состоянии отвечать на эти милостивые слова; он пробормотал, что никогда не имел счастья ее видеть. Это, конечно, была неправда, портрет ее он носил уже несколько лет на своей груди. Альбрехт едва сам сознавал, что говорит.

После короткого молчания, царевна опять сказала:

– Нет сомнения, что вы тот, кто однажды вывел меня и мою подругу из леса, где мы заблудились. Вы видите, что у благодарности по крайней мере хорошая память.

Затем царевна с улыбкой поклонилась ему и обратилась к другим.

В следующие дни Альбрехт ходил как помешанный, хорошо понимая свое безнадежное положение, он тем не менее решился остаться в Петербурге. Его единственным желанием было теперь поступить на службу к царевне и оставаться до гроба ее верным слугой. Судьба, однако, решила иначе. Непредвиденный случай заставил Альбрехта бежать из Петербурга. Как-то полковник Лефевр пригласил на ужин Моргеншейна и несколько знакомых офицеров.

После ужина веселые гости начали пить. Крепкие напитки развязали у всех языки. Заговорили свободно и шумно, без всякого стеснения. Разговоры коснулись и царевича, недавно, возвратившегося из Карлсбада, и дурных отношений между ним и его супругой. Одни приняли сторону царевича, другие заступились за царевну. Какой-то пожилой офицер, защищая царевича, начал утверждать, что сама царевна виновата в дурном обращении с ней мужа.

– Счастье семейной жизни, – сказал он, – зависит от жены. Я разделяю женщин на три категории: женщину первой категории я называю физической, материальной. У нее блестящие, улыбающиеся, умные глаза; розовые щеки, губы коралловые, волосы черные, как смоль, густые, кудрями падающие в беспорядке по круглым белым плечам. Она прелестная брюнетка – это моя любимая масть. Я в ней люблю ее тело. Она составляет для меня необходимость, как и всякая жизненная потребность: пища, воздух, питье, прогулка, сон, пищеварение, кровообращение. Она может быть ограничена умом, малообразованна; это ей не вредит в моих глазах и не уменьшает моего влечения к ней. Я желаю от нее наслаждения, одного лишь наслаждения.

Он сделал большой глоток из кружки и продолжал:

– Ко второй категории принадлежит женщина-друг. Я люблю с ней беседовать, проводить с ней время, я ей беспредельно доверяю, она удовлетворяет мои духовные потребности. Я не ищу в ней телесной красоты, изящности форм; я люблю ее платонически, любил бы ее даже, если бы она была мужчиной, различие пола нисколько не влияет на мою привязанность к ней.

Третью категорию составляет женщина-жена в строгом смысле. Она заключает в себе особенности первых двух категорий женщин. Если она обладает ими, то супружество счастливо – она соответствует идеалу семейного союза. Если же в жене не сочетаются качества любовницы с качествами друга, то брачный союз не достигает желаемой цели и в супружеской жизни нет счастья.

Царевна Шарлотта не отличается чувственной красотой и потому может жаловаться только на природу, тем более что у нее муж более склонный к плотским наслаждениям.

Альбрехт, считавший царевну совершенством женской красоты, для которого она была кумиром, божеством, пришел в сильное раздражение, услышав такой святотатственный отзыв о Шарлотте, но его гнев достиг крайних пределов, когда один молодой офицер, родственник фельдмаршала Шереметева, сильно выпивший, одобрил поведение царевича и принялся клеветать на добродетельную царевну. Никто не смел противоречить родственнику фельдмаршала, гости даже смеялись над его неприличными выходками. Это ободрило его, и он стал еще циничнее отзываться о царевне.

Альбрехт воспылил яростным гневом; он не мог оставаться хладнокровным слушателем таких оскорбительных отзывов о женщине, которую он уважал наравне с высшим, неземным существом. Однако он удержал свой гнев, спокойно подошел к молодому офицеру и вежливо попросил его прекратить свои оскорбления. Не забудьте, прибавил он, что Шарлотта дочь благородного герцога, сестра императрицы и невестка великого монарха. Офицер презрительно взглянул на него и ответил ему с грубостью, которой можно ожидать только от простолюдина. Другие гости под влиянием винных паров неистово смеялись, и это еще более раззадорило молодого офицера. Он стал еще нахальнее. Альбрехт приказал ему замолчать. Но все было

напрасно, офицер ругался все сильнее, а присутствующие хохотали все громче. Альбрехт, единственный трезвый человек в этом шумном обществе, счел за лучшее удалиться. Он взял шляпу и шпагу и направился к дверям. Но офицер, гордый своей победой, последовал за ним, толкнул его ногой и крикнул:

– Вот так следует прогнать из России всех иностранцев, искателей приключений.

Альбрехт повернулся и дал наглецу тяжеловесную пощечину, а так как тот хотел схватиться с ним, то Альбрехт сильным толчком повалил его на пол и медленно вышел из комнаты.

Но едва прошел он около двухсот шагов, как офицер догнал его с обнаженной шпагой в руке. За ним следовали некоторые другие участники пирушки, охотники до драк. Молодой офицер, ругаясь, приказал Альбрехту остановиться и вступить с ним в поединок. Граф обещал ему дать удовлетворение на следующий день и предложил ему идти домой выспаться. Но офицер не уговорился и напал на Альбрехта, который вынужден был защищаться. Не прошло и двух минут, как офицер уже лежал на земле смертельно раненный шпагой Альбрехта. Он вздохнул и выпустил последний дух. Находившиеся при этом офицеры унесли его труп, а Альбрехт поспешил к себе домой, уложил в чемодан нужные вещи и рано утром исчез из Петербурга, чтобы избежать высылки в Сибирь.

Оказавшись в Берлине, Моргеншейн узнал, что все его наследственное имущество передано кредиторам его отца. Он был совершенно разорен, ему от наследства осталось совсем немного. Нужно было искать место. С утра до ночи он бегал по домам своих родственников и прежних друзей, просиживал целые часы в их передних и приемных. Друзья и родственники приглашали его к обеду и на свои вечера, но действительных услуг ему не оказывали. Иные ему подавали надежду, другие пожимали плечами. Альбрехт должен был довольствоваться обещаниями, а когда открывалась вакансия, то на этом месте оказывался другой, имевший сильные связи. Способности Альбрехта везде хвалили, но ему не хватало теперь самого главного – богатства, он был беден. В нашем веке будь одарен мудростью Соломона, добродетелью серафима, ученостью всех университетов, ты только будешь похож на драгоценную памятную монету, которая не может обращаться в торговле. Золото – это лак, сообщающий добродетели блеск, дающее значение мудрости. Золото – это моральный универсальный лоск, под которым грязь превращается в бланманже, а трусость в храбрость.

Однажды Альбрехт узнал, что многие семейства переселяются в Америку; он решил присоединиться к ним с намерением образовать на берегах Миссисипи в Луизиане колонию. Шесть семейств, отправлявшихся в Северную Америку, выбрали его своим начальником. Он был им известен своей образованностью и храбростью. В короткое время многие другие семейства последовали их примеру, и таким образом Альбрехт сделался главой довольно значительного числа переселенцев.

С веселым сердцем и громадными планами в голове граф Альбрехт готовился к отправке в долгое морское плавание.

Только одно обстоятельство омрачало его радость: он не мог примириться с мыслью, что, уезжая в новые земли, он уже никогда не найдет случая увидеть обожаемую Шарлотту. Пока он находился в Европе, он все еще мечтал попасть в число ее слуг и быть около нее. Уезжая в Америку, он должен был отказаться от этой мечты – от своего счастья. Она умерла для него, сделалась недостижимой святыней.

За несколько дней перед отъездом в Америку, гуляя под липами, Альбрехт встретил знакомого, который пригласил его в гостиницу поиграть на бильярде.

В гостинице было много людей. Во всех комнатах играли, кто в карты, кто в шахматы.

– Знаете ли вы того господина в красном жилете – того, который стоит вон там, за столом, он с вас глаз не спускает? – спросил Альбрехта его знакомый.

– Нет! Я его не знаю, – отвечал граф.

Затем, не обращая больше внимания на незнакомца, Альбрехт пошел в другую комнату и велел подать себе пунш. Вскоре туда вошел человек в красном жилете. Он сел и своими большими глазами принялся пристально смотреть на Альбрехта. Последнему это не понравилось, и он ушел в бильярдную. Тотчас же туда зашел и красный жилет. Альбрехт занял место у камина, и красный жилет также подошел туда. Альбрехт пустился с ним в разговор. По его произношению можно было принять его за англичанина, а лицо его было похоже на цыганское. Он отвечал односложно. Через некоторое время он, вынув часы из кармана жилета и, обращаясь к Альбрехту, сказал:

– Жена царевича, Шарлотта Вольфенбютельская, умерла!

После этого, посмотрев с любопытством на Альбрехта, он тотчас исчез среди посетителей гостиницы. Альбрехт, пораженный этим известием, начал искать незнакомца, но не мог найти его, его никто не знал.

На другой день Альбрехт поспешил в русское посольство и дрожащим голосом спросил секретаря, верна ли новость, услышанная им в гостинице. Секретарь улыбнулся и сказал:

– В последних сообщениях, которые привезли курьеры, о смерти кронпринцессы ничего не упомянуто.

Альбрехт был в восторге, но ломал себе голову, пытаясь объяснить себе, почему красный жилет выдумал такое ужасное известие и сообщил это совершенно незнакомому человеку, даже если бы он его знал, то как же он догадался о тайне его сердца, о привязанности его к царевне и о его живом участии в ее судьбе.

Однако Альбрехт, занятый приготовлением к отъезду, скоро забыл об этой странной мистификации.

Но прошло некоторое время, и во всех газетах было сообщено о смерти Шарлотты Вольфенбютельской.

Это несчастье случилось в октябре 1715 года, когда царевна родила сына, которому дали имя Петр. Спустя четыре дня ей овладела родильная лихорадка, с каждым днем она усиливалась, и двадцатого числа лекари, посланные царем, нашли ее в беспамятстве. Когда больная пришла в себя, она с удивительной твердостью духа и кротостью отказалась принимать лекарства, говоря, что желает умереть.

– Доктор, – сказала она, – благодарю вас за искреннее желание помочь мне; но напрасна ваша наука, напрасно ваше старание – я чувствую, что я должна умереть, и это самое лучшее для меня. Я уже достаточно знакома с земной жизнью. Судьба мне показала ее хорошую и дурную стороны. Теперь судьба решила перенести меня в другую страну, где одно счастье будет окружать меня.

Затем она велела призвать к себе свою подругу, принцессу Остфризскую и барона Левенвольда, просила их заботиться о воспитании ее детей и написать ее родным.

– Напишите, – сказала она Левенвольду, – австрийскому императору, моей сестре и моим родителям о моей естественной смерти, просите их не верить сплетням. Им, вероятно, расскажут, что я умерла от горя, от нравственных мук. Уверьте их, что я умерла от болезни. Государь российский всегда был добр ко мне, с точностью исполнял все, что обещал в брачном контракте, и сделал все, что только мог для спасения моего от смерти.

За полчаса перед смертью она попросила принести к ней ее детей и пожелала видеть царя. Петр тотчас приехал.

– Ваше величество, – обратилась она к нему слабым голосом, – от души благодарю вас за ваше расположение ко мне и за ваше попечение. Горе, которое я испытала, облегчает мне путь в вечность. Я умираю без страха, но меня страшит участь моих детей. Прошу вас не оставить моих сироток; будьте им добрым отцом. Бог вас вознаградит за это! – прибавила она, рыдая. – Дети мои будут вас благословлять, а я буду на том свете молиться за вас. Прощайте, желаю вам довести ваши благотворные дела до желаемой вами цели.

После этого царь уехал, тронутый до глубины души.

После его отъезда царевна испустила последний вздох; это было двадцать первого октября.

Послы сообщили своим дворам, что царевна умерла от горя, от душевных страданий.

Альбрехт, узнав из газет это трагическое известие, чуть с ума не сошел. Он до сих пор питал слабую надежду когда-нибудь вернуться из Америки и поступить на службу к царевне. Теперь увидеть еще раз обожаемую особу было немислимо. Он проклинал свою несчастную судьбу и свое рождение на свет.

– Зачем, – воскликнул он, – суровая судьба создала меня! Зачем она из бессознательного ничего вызвала меня в мыслящее существо, способное чувствовать горе и страдания? Может ли она хоть одно горе в жизни загладить даже тысячами радостей? О деспотическая природа, которая приказывает нам жить, потому что она этого хочет, бросает нас между терниями и розами и, наконец, посылает нам смерть, когда она этого хочет! Ее уже нет! – прибавил он, немного успокоившись. – Но я еще существую и буду плакать по ней до гроба, я буду дышать только для ее памяти!

IV

Капитан корабля, на котором Альбрехт со своими спутниками отправился в Америку, по истечении некоторого времени плавания остановился недалеко от берега океана у небольшого города для покупки некоторых припасов. Местность была восхитительная, день был ясный, и издали видны были развалины громадного замка, выстроенного, как говорили жители городка, древними римлянами. Альбрехт в сопровождении своего лакея Гольдстрома отправился посмотреть древние развалины. После нескольких часов, усталый от ходьбы, он сел на обломок камня и задумался. Он вспомнил лес, где в первый раз встретился с Шарлоттой, вспомнил бал в Петергофе, где во второй раз увидел ее, но уже в царском величии, и наконец начал, представлять себе ее смерть, лишившую его всякой возможности еще раз лицезреть милый образ, и ему стало невыносимо грустно.

Пока Альбрехт так сидел, погруженный в свои мысли, некая дама, окруженная несколькими мужчинами и женщинами, вышла из-под сводов развалин и направилась по тропинке к протекавшей мимо замка реке, где стояла лодка. Посетители развалин сели в нее, лодка отчалила от берега и в скором времени потерялась из вида. Альбрехт пришел в ужас. Эта дама была предметом его вечных мечтаний, царевной Шарлоттой Вольфенбюттельской. Была ли это действительно она? Был ли это ее дух? Было это чудо природы, создавшей царевну два раза? Был это призрак, привидение? Мысли его путались. Он не знал, что думать об этом неожиданном явлении. Он знал, что Шарлотты нет на свете, между тем он сейчас ее видел. Это была она, точь-в-точь она: ее стан, ее грация, ее лицо, ее светло-русые, густые волосы. Это не был сон! Он вполне обладал сознанием. «Что же это такое?» – спрашивал он себя в сотый раз.

Немного успокоившись, Альбрехт начал разыскивать даму, явившуюся в виде царевны, по всем окрестностям городка, подобно охотнику, неутомимо преследующему редкую дичь. Он с отчаянием вернулся на корабль – нигде не было и следа отыскиваемой им дамы.

В этот же день у жителей городка был праздник по случаю какого-то события, и Альбрехт со своим верным лакеем и проводником отправились вечером в великолепную церковь, выстроенную в древнеготическом стиле. Высокие столбы, множество алтарей блистали от тысячи огней. Церковь была полна народа, и Альбрехт с трудом нашел себе место.

Торжественность места, блеск освещения, величественная музыка церковного органа наполняли его сердце грустью. Образ Шарлотты представился перед его глазами, желание видеть ее причиняло ему невыразимую боль. Его глаза застилались слезами, и он глубоко вздохнул. Взглянув в сторону, где сидели женщины, Альбрехт опять увидел между ними то

же самое лицо, которое явилось ему под развалинами старого замка. Ее взоры остановились на Альбрехте. Это была опять она, царевна, только свежее, цветущее, чем он ее видел в Петербурге, где горе постепенно вело к смерти. Она была в черном платье и на груди носила несколько цветов.

Глаза Альбрехта пристально смотрели на это дивное явление. Она это заметила и казалась удивленной. Вскоре опустила черную вуаль. Прошло некоторое время, и прихожане начали выходить из церкви. Черная дама также собиралась уйти.

– Знаете ли вы ту черную даму? – спросил Альбрехт своего проводника.

– Нет! Я ее никогда не видел в этом городе, – отвечал тот.

– Стало быть, она приезжая?

– Вероятно.

– А молодая дама, сидящая рядом с ней, с которой она разговаривает, – вы ее знаете?

– О да! Это дочь хозяина гостиницы «Золотой орел».

На другой день утром Альбрехт отправился в гостиницу «Золотой орел» и спросил дочь хозяина о черной даме. Любезная женщина сказала ему:

– Черная дама – из Брюсселя. Ее отца зовут Монтекуром. Он, по-видимому, богатый купец. Сегодня рано утром он велел подать экипаж и уехал вместе со своими двумя дочерьми.

– Куда? – спросил Альбрехт.

– Мы этого не знаем, – отвечала дочь хозяина. – Вчера он расспрашивал о дороге в местечко Грисьеж. Вероятно, вы знакомы с его старшей дочерью. Не были ли вы вчера в церкви Святого Евстахия?

Альбрехт подтвердил это.

– Дочь Монтекура спрашивала меня о вас, – продолжала дочь хозяина, лукаво улыбаясь, – а я могла сказать ей только, что вы чужестранец.

В то же утро Альбрехт поехал в Грисьеж. На дороге он везде осведомлялся о брюссельском купце и его спутниках. Ему указывали, куда они направлялись; он уже думал, что напал на их след, но ему постоянно приходилось разочаровываться, и наконец он был вынужден отказаться от надежды когда-нибудь решить занимавшую его загадку. Корабль, дожидавшийся возвращения Альбрехта целых пять дней, снялся с якоря тотчас по его возвращении на судно и продолжал свой путь, но остановился опять на несколько дней у берегов острова Тенериф, где капитан хотел запастись вином. Альбрехт сошел с корабля на остров, чтобы полюбоваться на величественный Пик, конусообразно возвышающийся до облаков. Вечером он пошел гулять по берегу острова. Там он сел в тени высоких пальм и каштановых деревьев, отдыхая и мечтая о своем будущем.

Перед ним шумел безграничный океан, позади видна была знаменитая гора, вершину которой окружали облака, на берегу сновали разносчики, рабочие и матросы. Все это наполняло душу Альбрехта приятными чувствами, и он постепенно забылся.

Вдруг по берегу пробежал с небольшим пакетом под мышкой тот же человек с цыганским лицом и в красном жилете, которого он видел в берлинской гостинице. Он пробежал было мимо Альбрехта, но увидел и узнал его, остановился в удивлении и воскликнул:

– А, вы здесь, граф, поздравляю с приездом на Тенериф. Куда отправляетесь?

– В Луизиану, – отвечал граф, – в Новый Орлеан.

– Дай бог вам счастья! – воскликнул красный жилет и побежал по пристани.

Альбрехт, желая поговорить с красным жилетом, последовал за ним. На пристани стояло много лодок, в одну из них вспрыгнул красный жилет; в ней сидели уже две женщины и один пожилой мужчина. Когда Альбрехт подошел к пристани, лодочник уже грел в открытый океан. Он ясно слышал, как из лодки женский голос произнес его имя.

У него потемнело в глазах, голова закружилась, и он чуть не упал в воду: это была опять царевна!

Альбрехт бегал по пристани, отыскивая лодку, чтобы погнаться за отъехавшими, но все лодки уже были заняты.

Наконец ему удалось за высокую цену нанять лодку. Но в эту же минуту он увидел три больших корабля, отплывших в море под раздутыми благоприятным ветром парусами. На одном из них, как его уверяли лодочники, находились те путешественники, которых он искал.

Уже было поздно и темно, когда Альбрехт вернулся домой в сильном отчаянии. Только поток слез, которые он проливал в течение целого часа, смог облегчить его горе. Всю следующую ночь он провел без сна. На другой день он пошел разузнать, где жили обе женщины во время их пребывания на острове. Оказалось, что они жили в Санта-Крусе, в доме одного виноторговца. Этот торговец сообщил ему, что пожилой господин был немец по имени Вебер, отправлявшийся со своей дочерью к родным в Северную Америку, что вторая женщина, кажется, горничная дочери Вебера, а человек в красном жилете, которого он, Вебер, называл просто Францем, по-видимому, был его лакей. Корабль, на который сел Вебер, отплыл к берегам Америки.

Узнав об этом, Альбрехт решил во что бы то ни стало отыскать виденную им даму. Он решил побывать во всех портовых городах Америки, объехать все страны, пока не найдет ее следов.

V

Наконец Альбрехт со своими спутниками достиг Флориды. Каково было их разочарование! Плывя из Пенсаколы по направлению к хваленой Луизиане, они видели одни голые низкие берега, покрытые лишь песком, на котором изредка росли морские сосны и скудные кустарники.

Капитан причалил к самой грустной бесплодной местности. Там находилось несколько бедных хижин, где жили пожилые полунагие голодные люди, остатки прежней колонии. При виде этой местности путешественниками овладело уныние, они предчувствовали безотрадное будущее. Все радужные ожидания их исчезли. Многие даже начали думать о возвращении на родину.

Один старик из переселенцев в безутешном горе сказал своей плачущей дочери:

– Дочь моя, не плачь, моя милая, мне уже минуло восемьдесят лет, я скоро умру. Не все ли равно, что меня похоронят в Европе или засыпят мою могилу американской землей. Там и здесь один и тот же Бог. Ты останешься на попечении дяди, он тебя любит и не оставит одну. Ты еще молода, выйдешь замуж, моя милая Доротея. Бог не даст погибнуть бедным переселенцам, они найдут клочок плодородной земли, будут обрабатывать ее и будут жить безбедно.

Эти пророческие слова старика несколько успокоили плачущую дочь.

– Папаша, – сказала она, – ты еще долго будешь жить, и мы с тобой будем молить Бога спасти нашу колонию от бедствий. Но нужно написать нашим родным, готовящимся также переселиться сюда, чтобы они не оставляли родины, пока не узнают чего-либо определенного об исходе нашего предприятия.

– Да, милая, но я уже плохо вижу, напиши ты сама.

– Письмо уже написано, батюшка, а ты только подпиши его, мне по молодости моей не поверят.

С этими словами она подала ему готовое письмо в конверте. Письмо это было адресовано на имя Франца Таубеннеста, содержателя гостиницы в Кенигсберге.

Капитан утешал переселенцев:

– Вы еще не видели Нового Орлеана, – сказал он, – ведь мы здесь не останемся.

Через некоторое время путешественники достигли устья Миссисипи. Но и там болотная почва не производила благоприятного впечатления о Новом Орлеане. Корабль вошел в Мис-

сисипи и в течение двадцати часов путешественникам не представлялось ничего, кроме плоских, неудобных для жилья илистых берегов, покрытых ситником, камышом и несколькими кустарниками. Однако постепенно берега с обеих сторон реки стали лучше. Направо и налево начали возвышаться густые, темные леса, через которые не могли проникать солнечные лучи. Деревья были очень высоки и толсты. На иных из них красовались разные дикие плоды и множество птиц порхало и исполняло странный концерт. На лугах, усеянных кустарниками, сновала красная дичь.

Наконец они достигли давно ожидаемого Нового Орлеана.

Когда капитан объявил переселенцам, что они уже прибыли на место назначения, все пришли в крайнее удивление. Они не верили своим глазам. Они не могли представить себе, что это та пресловутая местность, которую называют Новым Орлеаном, где они должны поселиться и найти счастье. На восточном берегу реки стояли рассеянные хижины, выстроенные из дерева и камыша. Лишь кое-где виднелись сооружения из дерева и жженой глины, имевшие некоторое сходство с европейскими домами. Альбрехту объяснили отсутствие больших домов тем, что почва рыхлая и не может выдержать тяжелых зданий. И это был главный город Луизианы!

Переселенцы были представлены губернатору, и так как нигде в Новом Орлеане не было гостиницы, то губернатор предложил Альбрехту квартиру в его доме, пока он не отыщет место для своего поселения. Все остальные его спутники должны были выстроить себе бараки для жилища.

Губернатор происходил от знатного, но бедного семейства. Он смотрел на свое пребывание в Луизиане как на место ссылки. Жена, молодая наивная красавица, чувствовала себя, по-видимому, очень естественно. Она постоянно суежилась: сажала цветы в саду, прыгала, танцевала сама, если не было с кем танцевать и учила негра петь оперные песни. Когда Альбрехт находился в отсутствии долгое время, она ему иногда писала письма, бранила его и мирилась с ним.

Новый Орлеан представлял большой остров, образуемый рекой Миссисипи, морем, озером Шартен и Матрич, составляющим сток от Миссисипи. Но большая часть острова неудобна для земледелия, она подвергается наводнениям.

Переселенцы получили от губернатора позволение выбрать себе место для устройства колонии.

Альбрехт с отрядом вооруженных переселенцев отправился по правому берегу Миссисипи вверх. По мере того как они проникали дальше, глазам их представлялись великолепные нивы и густые леса с высокими кедром. Почва постепенно становилась суше. Им попадались добродушные индейцы, которым они дарили разные безделушки, а те, в свою очередь, снабжали их дичью и живностью.

Пройдя некоторое пространство, переселенцы удалились от Миссисипи и направились к северо-востоку, чтобы отыскать берега Красной реки, вытекающей из Новомексиканских гор и вливающей свои воды в Миссисипи. Они достигли своей цели, и труды их были вознаграждены: перед ними открылась восхитительная местность.

В середине большого круга горных возвышений и холмов, поросших высокими деревьями, лежала обширная долина, достаточная для постройки десяти деревень и для их пропитания. Площадь разделялась Красным потоком на две почти равные части с группами разнообразных деревьев, а в середине местности возвышался отвесный утес, ограниченный Красным потоком и вливающимися в него двумя ручейками, придававшими ему вид острова.

Когда Альбрехт со своими спутниками проложили себе путь между кустарниками и, добравшись до вершины утеса, смогли обозреть всю местность вокруг долины, они в восторге воскликнули:

– Здесь мы останемся, здесь мы выстроим себе хижины, и здесь я хочу жить до гроба. Поля вознаградят наш труд. Эту возвышенность мы укрепим против нападений варваров, а

Красный поток облегчит нашу связь с Новым Орлеаном. Я называю эту местность Шарлоттенгайн!

Все с радостью одобрили его выбор, тем более что недалеко от этой местности уже была заложена испанская колония, и таким образом оба поселения могли бы в случае надобности помогать друг другу.

Когда они вернулись в Новый Орлеан, чтобы запастись предметами, необходимыми для поселения, то в течение пяти дней у Альбрехта записались более семисот семейств, желавших переселиться в открытую им землю. Иные за дорогую цену закупили лошадей, скот, овец; другие отправились в испанскую колонию, чтобы там приобрести их подешевле.

Наконец все переселенцы оставили Новый Орлеан. Двадцать человек на новых парусных лодках поплыли по Миссисипи и Красному потоку, чтобы исследовать их судоходность. Губернатор утвердил Альбрехта в звании начальника колонии и даровал ему судебную власть.

По прибытии в Шарлоттенгайн одни из колонистов укрепили маленькую площадь на возвышенности, обсаживая ее палисадами, и устроили дорогу с долины на утес для лошадей и пешеходов. Строительных бревен достали они из леса, и Альбрехт нарисовал план целой колонии, измерил и разделил поля, на которых посеяли рожь, маис и нужные для жизни плоды; другие промышленяли охотой или рыбной ловлей, а женщины занимались домашним хозяйством.

Не прошло года, и в маленьком штате были уже выстроены жилища, магазины, конюшни, хлева, а поля дали богатый урожай. Поселенцы Шарлоттенгайна завязали знакомство с испанской колонией и с соседними поселенцами на Красной реке. Туземные жители также посещали их и с удивлением смотрели на деятельность иностранцев. Вождь племени на Черном потоке посетил Альбрехта с отрядом из трехсот молодцев, способных носить оружие, и заключил с ним дружеский союз.

Через некоторое время колония Шарлоттенгайн вынуждена была оказать помощь своим союзникам против напавшего на них другого племени. Враги не могли выдержать ружейного огня иностранцев и обратились в бегство. Эта победа утвердила политическое значение Шарлоттенгайна, и Альбрехт, так сказать, сделался королем этого поселения, союзником большого индейского племени, покровительственным князем европейской и индейской колоний, находившихся в соседстве. Всего этого он достиг своим энергичным трудом и вовсе не собирался возвращаться в Европу.

VI

Между тем как все это происходило в Америке, в России совершились странные события, которые будут памятны в истории, пока будут существовать земля и солнце.

Враждебные отношения, существовавшие между Петром Великим и его сыном, царевичем Алексеем, все обострялись.

Петр окончательно убедился в неспособности царевича продолжать начатые отцом преобразования государства, а государство было для Петра дороже всех семейных и родственных уз. Алексей же явно выказывал ненависть к отцу и непобедимое отвращение к военному делу, к строительству флота, к нововведениям в области государственного устройства, ко всему иностранному, словом, ко всему тому, чему Петр Великий посвятил с такой энергией всю свою жизнь. Он соединился с врагами новых порядков, приверженцами старых обычаев, с попами и невежественным народом и не переставал вести развратную жизнь. Петр начал обращаться с ним более сурово, и царевич, предвидя страшное будущее, опасался за свою жизнь.

Возвратившись домой после похорон жены, он нашел у себя дома письмо от отца, из которого мы приводим несколько отрывков.

Предостережение моему сыну

«После продолжительных походов мы наконец набрались побеждать наших заклятых врагов – шведов к величайшему удовольствию нашего отечества, но мое горе превосходит мою радость, когда я представляю себе своего наследника, человека, неспособного управлять государством, не имеющего ни малейшего расположения к военному делу. Я не требую от тебя, чтобы ты вел несправедливые войны, я желаю только, чтобы ты полюбил военное искусство и учился ему. Правление государством состоит из двух частей: из администрации и защиты страны. Не думаю, что достаточно иметь генералов, которые будут управлять вместо тебя; всякий смотрит на начальника, на главу государства, и соображается с его желаниями. Все любят, что он любит, и пренебрегают тем, чем он пренебрегает. Я не требую от тебя трудов, которые выше твоих сил. Я желаю только, чтобы ты занялся военным делом. Смотри, сколько князей, которые, не принимая личного участия в деле, подготовляли успех своих войск. Вспомни покойного короля Франции: он редко являлся среди своей армии, но он занимался ей с любовью; сколько великих дел совершил он, как много он прославил свое государство!

Я человек смертный; кому оставлю поле, засеянное мной с таким трудом? Ты всегда был дурного нрава и упрям. Все мои старания исправить тебя остались безуспешными. Ни угрозы, ни побои, ничего не помогло. Ты ничем не хочешь заниматься, не хочешь посвятить себя никакому труду, не хочешь ничего делать и проводишь всю твою жизнь в одних соблазнительных кутежах. Я думаю обо всем этом с болью в сердце и решил написать тебе мое последнее увещание и еще подождать некоторое время, может быть, ты еще исправишься. Если ты откажешься оправдать мои ожидания, то будь уверен, что я буду обращаться с тобой, как с гнилым членом. Не надейся на то, что ты мой сын, и не думай, что хочу только пугать тебя, я поступлю, как говорю. Для блага государства я не щадил своей жизни и, конечно, тем менее буду щадить такое бесполезное существо, как ты. Лучше достойный иностранец, чем негодный сын».

Царевич испугался.

– Гибель моя неминуема! – воскликнул он в отчаянии.

Положение его было безвыходным. Подчиняться требованиям отца и взяться за дело Алексей был не способен, так как был изнежен с самого детства воспитанием и разгульной жизнью. Он поспешно собрал своих постоянных советников: Лопухиных, Вяземского и Кикина; последний был его злым гением и давал ему самые губительные советы.

– Что делать, что предпринять, друзья мои? – спрашивал он их, ломая руки. – Отец не пощадит меня.

Его приятели советовали ему для вида отказаться от престола, а дальше действовать в зависимости от обстоятельств.

Алексей последовал их совету и написал отцу короткое письмо следующего содержания: «Государь и отец!

Ваш сын действительно чувствует себя неспособным управлять государством и просит своего царя лишить его престола и завещать его второму сыну, родившемуся от императрицы Екатерины. Сын ваш для себя просит только, как единственную милость, назначить ему пенсию для существования».

Это смиренное и покорное письмо сильно раздражило царя. Он ожидал, что сын если и подчинится отцовской воле, то по крайней мере не без некоторой борьбы, что он проявит хоть в малой степени твердость характера. Но его сын явился в его глазах тряпкой, поломанным тростником, гонимым по произволу ветра куда угодно. Это было противно такому энергичному темпераменту, каким обладал Петр Великий.

В это время, в январе 1716 года, царь сильно заболел, его жизнь была в опасности, и это обстоятельство еще сильнее заставляло его думать о судьбе своих преобразований после его смерти. Поэтому тотчас после выздоровления он написал царевичу второе письмо.

Последнее предостережение моему сыну

«Ты в твоём ответе говоришь только о наследстве и не отвечаешь на то, что меня всего более занимает, – о твоей неспособности, о твоём равнодушии к общему благу... Все знают, что ты ненавидишь мое дело, что ты после меня разрушишь все, что я сделал для моего народа. Невозможно, чтобы ты оставался негодным, ни рыбой ни мясом. Переменись, покажись моим достойным наследником или будь монахом; иначе дух мой не успокоится, особенно теперь, когда мое здоровье слабо. Дай ответ письменно или словесно. Если не послушаешься, то я с тобой поступлю как с простым преступником».

Царевич снова собрал своих друзей.

– Сделайся монахом, – советовали они, – и жди в монастыре благоприятного времени для исполнения твоих надежд.

Расчет царевича и его друзей был верен: Алексей должен был ждать в монастыре, пока не пройдет буря, а после смерти отца выступить во главе своих приверженцев, поклонников старины. Алексей отвечал отцу в коротких словах:

«Государь, мой отец!

Я болен и не могу много писать. Я желаю поступить в монастырь и прошу на то ваше согласие.

Алексей».

Эта короткая записка довела до крайности раздражение царя. Он легко догадался, что всякая надежда на исправление сына напрасна.

В это время царь готовился к походу в Мекленбург. Накануне своего отъезда он зашел к сыну и спросил его, на что он решился. Царевич отвечал:

– Я хочу поступить в монастырь.

– Подумай хорошенько, – сказал царь, – не торопись, ты еще молод, ты можешь еще вернуться на верный путь. Подумай, я еще буду ждать шесть месяцев.

Затем Петр оставил Петербург, и Алексей был рад, что получил время исполнить свой план.

Он давно уже имел намерение спастись от преследований отца бегством в какую-нибудь отдаленную местность. Сначала он думал скрыться под рубищами нищего, ходящего по святым местам России, бродя из одного монастыря в другой. Но его духовный отец Иаков Игнатьев нашел этот план неудобным и полагал, что царевич может быть в безопасности только вне пределов России. Кикин старался найти ему убежище при дворе австрийского императора в Вене, который был женат на сестре Шарлотты.

«Я похлопотал о тебе в Вене, – писал Кикин царевичу. – Поезжай к императору Карлу, он тебя не выдаст».

Между тем как царевич обдумывал это предложение, пришло письмо от царя. Это было в последние дни августа 1716 года. Шестимесячная отсрочка минула, и Петр напоминал сыну, что ждет его ответа, и приказал царевичу приехать к нему лично и объявить свое решение.

Это обстоятельство подвигло молодого человека к решительным действиям. Оно могло служить удобным предлогом для успешного побега. Царь его звал к себе. Он отправился к Меншикову и попросил у него паспорт и денег на путешествие в Мекленбург.

Единственное, что останавливало Алексея, была Афросина. Царевич привязался к ней всей душой и не мог расстаться с ней. Но одно слово Меншикова решило его сомнение.

– Что ты сделаешь с Афросиной? – спросил князь.

– Она поедет со мною до Риги, а оттуда я ее pošлю назад, – отвечал Алексей.

– Лучше возьми ее с собой в Мекленбург, – предложил Меншиков, который вообще не отличался строгой нравственностью.

Этот легкомысленный совет решил судьбу царевича.

Двадцатого сентября Алексей, в сопровождении Афросины, ее брата и трех слуг, отправился, как все полагали, через Ригу в Мекленбург.

В Либаве он встретился со своей теткой, княгиней Марией Алексеевной, которая возвращалась из Карлсбада и которая держала сторону отверженной жены Петра, матери Алексея.

– Куда ты едешь? – спросила она племянника.

– К отцу, – отвечал царевич.

– Ты хорошо делаешь. Что будет с тобой, когда тебя поместят в монастырь?

– Не знаю, я теряю голову с горя! Я был бы счастлив, если бы мог где-нибудь укрыться.

– Тебя везде отыщут, – сказала княгиня.

Затем она спросила его о матери.

– Ты ее совсем забыл, – сказала она, – отчего ты ей не пишешь и не посылаешь денег?

– Боюсь.

– Если даже будешь иметь через это неприятности, то что из этого? Ведь это твоя мать.

– Для меня это будет несчастье, а для нее из этого не выйдет никакой пользы. Да и жива ли она?

– Жива, – сказала Марья Алексеевна и прибавила таинственно: – Твоя мать и монахи имели откровение, что царь вернет ее к себе, и вот как это совершится: твоего отца постигнет болезнь, и в это время произойдет восстание. Царь отправится в монастырь Святой Троицы к гробу святого Сергия, там будет и твоя мать, царь ее примет в свои объятия, и восстание утихнет. Петербург разрушится согласно желанию многих.

Таковы были интриги, которые плелись в самом семействе Петра.

В Либаве царевич нашел также своего приятеля Кикина и посоветовался с ним о дальнейших своих действиях.

Из Петербурга курьер известил царя о скором прибытии царевича. Петр ждет, проходит месяц, проходят два месяца, а о царевиче нет никаких известий. Царь догадался, что сын сбежал, и безотлагательно принял меры к его розыску, приказал отправить офицеров по всем направлениям в погоню за беглецом. Но все эти офицеры нашли лишь несколько следов, по которым можно было заключить, что царевич проехал через Кенигсберг и Данциг. Но у Петра в это время был более способный сыщик в лице его посланника в Вене, Абрама Веселовского. Петр поручил ему отыскать сына и дал ему подробные инструкции, а в случае надобности разрешал привлечь некоторых именитых русских лиц для задержания царевича. Кроме того, он передал ему собственноручное письмо к Карлу VI, которого просил содействовать Веселовскому в его розысках.

Веселовский пролетел без отдыха до Пирота, пять станций от Франкфурга-на-Одере, где узнал, что недавно проехал русский офицер с одной женщиной и четырьмя слугами. То же самое сообщили ему на следующей станции.

У франкфуртских ворот Веселовский прочел в списках приехавших в этот город, что двадцатого октября полковник Коханский из Москвы со своей женой и слугами проехали и остановились за городом в гостинице «Золотое яйцо». Веселовский отправился туда; в гостинице не знали имени офицера, но сказали, что у него были черные усы, а жена его была небольшого роста, кругленькая, с рыжими волосами и толстыми губами; пообедав и отдохнув два часа, эти путешественники уехали на почтовых по дороге в Бреславль.

Так Веселовский преследовал Коханского до самой Вены. Девятого ноября, как он узнал у шлагбаума, проехал какой-то польский господин по имени Кременецкий и оставался целый день в гостинице «Черный орел». Там он купил мужское платье для своей жены, которая тотчас надела его и долго любовалась своим нарядом перед зеркалом. На другой день он уложил свои вещи в карету, заплатил по счету и отправился пешком. Веселовский бросился искать этого господина во всех гостиницах австрийской столицы, но все напрасно.

Прошли месяцы январь и февраль, а дипломатическая полиция Петра Великого не могла найти малейшего следа беглого царевича.

VII

Между тем вечером десятого ноября 1716 года старый граф Шенборн, австрийский канцлер, работал в своем кабинете. Около десяти часов вечера чиновник, вышедший от него с бумагами, услышал шум на лестнице:

– Пустите меня к графу, – кричал какой-то незнакомец на ломаном немецком языке, – мое дело срочное!

– Теперь не время для приема, милостивый государь, – резко отвечал лакей.

– В таком случае я войду силой, – грозил незнакомец.

– Позову людей, если вы не угомонитесь.

Чиновник нашел нужным вмешаться в спор лакея с незнакомым человеком.

– Что вам надо от графа? – спросил он.

– Я должен немедленно говорить с самим канцлером, – был решительный ответ незнакомца, и он силой ломился вперед.

Для предупреждения дальнейшего шума о нем доложили. Шенборн уже был в постели и велел сказать просителю, что примет его на другой день. Но незнакомец упорно стоял на своем.

– Если меня выведут, то я пойду к императору, так как мое дело такое, что о нем нужно известить его величество сейчас же, без всякого замедления.

Канцлер вышел в шлафроке; незнакомец тотчас подошел к нему и, взяв его за руку, сказал ему шепотом:

– Его высочество, царевич Алексей Петрович здесь и желает видеть ваше сиятельство.

Граф вытарашил глаза и, подумав, что перед ним сумасшедший, крикнул людей, но незнакомец продолжал:

– Царевич недавно приехал в Вену и желает представиться вашему сиятельству по обычаю всех именитых путешественников, но может это исполнить только в строгой тайне, никому не показываясь; с этой целью он остановился в соседней гостинице и ждал там до ночи.

Канцлер хотел тотчас же одеться и идти к царевичу, но его буйный посланник, который был не кто иной, как брат Афросины, воскликнул:

– Его высочество уже тут, в передней, и ждет приема!

Граф послал чиновника просить царевича в залу, а сам побежал в кабинет одеться. Но царевич не ждал и бросился без всякого доклада в кабинет графа. Удивление канцлера еще более увеличилось, когда сразу же после того, как он остался один с посетителем, последний начал в сильном волнении и испуге ходить по комнате большими шагами, говоря:

– Я приехал из России просить у императора защиты. Меня хотят убить, лишить меня и моих детей русского царства. Я ничем не виноват перед моим отцом. Я слабый человек. Меншиков расстроил мое здоровье, приучая меня к пьянству. Отец говорит, что я ни к чему не годен, ни к войне, ни к управлению государством; но у меня довольно ума для царствования. Меня хотят заключить в монастырь; я не хочу идти туда. Император должен меня спасти! Ведите меня к императору.

Сказав это, царевич, утомленный, опустился в кресло и попросил пива, ему подали вина.

Шенборн не мог собраться с мыслями. Сначала он не хотел верить, что у него действительно царевич. Он старался утешить Алексея, уверяя его, что неслыханно, чтобы отец мог иметь такие черные мысли против родного сына, и что он может считать себя в Вене в полной безопасности.

Успокаивающие слова дипломата не могли охладить возбуждения несчастного беглеца.

– Ведите меня к императору! – кричал он.

Канцлер сказал царевичу, что в такое позднее время невозможно попасть к императору, и просил его подробно рассказать свою историю.

Алексей исполнил его просьбу и долго жаловался на царя, на Екатерину и Меншикова, утверждая, что они хотят его смерти и что его нарочно сгубили пьянством.

Шенборн, внимательно выслушав царевича, обещал помощь и посоветовал ему в ожидании решения императора строго соблюдать свое инкогнито. Поток слез успокоил волнение беглеца, он отказался от своего намерения проникнуть силой в эту же ночь к императору во дворец и вернулся в гостиницу с боязливой предусмотрительностью.

На другой день по получении рапорта канцлера император собрал свой Совет для обсуждения этого непредвиденного затруднения: с одной стороны, следовало иметь в виду могущество Петра Великого, которое уже тогда внушало страх, с другой стороны – гуманность и родственные чувства налагали на Карла VI некоторые обязательства в отношении несчастного царевича. Кроме того, австрийская политика считала счастливым случаем иметь у себя такого дорогого заложника, дававшего ей возможность вмешиваться в дела молодой России.

После заседания Совета Шенборн пригласил к себе царевича и сообщил ему решение императора: Карл VI согласился дать беглецу тайное убежище и заступиться за него перед его отцом. Император предпочел не видеться с царевичем для того, чтобы свидание их не разглашалось и не открылось присутствие Алексея в Вене. Для него найдут безопасное укрытие до окончания переговоров, которые должны примирить его с отцом. Царевич согласился на все, лишь бы его не выдавали отцу; это означало бы, уверял он, его верную и жестокую смерть, так как никакого примирения между ним и Петром немыслимо.

Спустя два дня царевич по приказанию императора был отвезен тайно в Вейербург, в шести милях от Вены. Туда приехал один из императорских советников для подробного допроса. После допроса советник объявил царевичу, что для большей безопасности Карл VI решил поместить его в одну из государственных крепостей под видом государственного узника. Царевич не возражал, только убедительно просил достать ему священника греческого вероисповедания, но ему в этом отказали из-за опасения, что от этого тайна его местонахождения может раскрыться.

Двадцать седьмого ноября царевич и его маленькая свита оставили Вейербург и в крестьянской повозке уехали по направлению к Зальцбургу. Отсюда они углубились в горы и проехали через Тироль до долины Леха. Около деревни Реутте, на уединенной горе, поросшей соснами, находилась крепость Эренберг, которую император назначил тюрьмой для своего гостя.

В то время как Алексей отдыхал в Мильбахе, последней станции от Эренберга, государственный секретарь Кюль, имевший поручение сопровождать царевича, отправился вперед, чтобы передать коменданту крепости подробные инструкции императора. Начальнику крепости предписывалось держать в Эренберге в глубокой тайне посылаемого к нему государственного узника, имени которого ему не сообщили. Чтобы предупредить всякие неприятности, комендант не должен делать никакой перемены в составе маленького гарнизона и не позволять солдатам удаляться из крепости во все время заключения в ней узника. Окна комнаты, где будет жить узник, должны быть снабжены решетками. Комендант обязан обращаться с узником с почтением и обеспечить хорошее питание. Для этого император назначил на его содержание триста флоринов ежемесячно. В случае серьезной болезни врач может быть допущен, но только в присутствии коменданта. Переписка узников должна идти через императорскую канцелярию. Никто чужой под страхом строгого наказания не должен приближаться к воротам крепости и расспрашивать сторожей. Комендант ответит своей головой за безопасность таинственного гостя.

Передав эти приказания, Кюль вернулся к своим спутникам и утром седьмого декабря доставил их в Эренберг.

Бедный беглец только тогда свободно вздохнул, когда приехал в крепость. Он написал к Шенборну и благодарил за то, что его так хорошо укрыли, он только повторял свою просьбу прислать ему священника своего вероисповедания.

Шенборн в своем ответе сообщил ему, что говорят о пропавшем царевиче. Вообще утверждают, что он погиб. Одни говорят, что его лишили жизни по приказанию царя, а другие считают, что его убили на дороге разбойники. Лишь некоторые думают, что он убежал от жестокости отца, но никто не знает, где он находится. Петербургские друзья, прибавил Шенборн, советуют царевичу тщательно скрываться, потому что по возвращении царя из Амстердама приступят к деятельным розыскам; что касается до священника, то просьба эта неисполнима.

Кроме того, Шенборн сообщил эренбергскому узнику известия, полученные от австрийского посланника в Петербурге. Этот агент с пылким воображением писал своему двору, что исчезновение царевича произвело в народе громадное впечатление, что все готовятся к восстанию и что гвардия составила заговор и собирается убить Петра в Мекленбурге.

Алексей не скрывал своей радости при этих известиях. Он всегда мечтал о восстании народа в его пользу. Слух о его смерти был ему кстати, и царевич считал себя совершенно спасенным от отцовских преследований в неизвестной тирольской тюрьме под обещанной защитой австрийского императора и его дипломатов.

Однако следующие события доказали, что австрийские дипломаты имели дело с искусными сыщиками Петра.

В течение четырех месяцев тайну царевича знали только четыре человека: император, канцлер Шенборн, государственный секретарь Кюль и принц Евгений Савойский, президент придворного Совета и верховный директор государственных дел.

Но Веселовский был тонкий дипломат; он не обращал никакого внимания на слухи о смерти царевича, инстинктивно чувствуя, что предмет его розыска находится вблизи от него – в Вене или недалеко от этого города.

Веселовский долго ничего не мог узнать от австрийских дипломатов, которые отделялись вежливостями.

Двадцать девятого марта какой-то мелкий писец из придворной канцелярии, давно подкупленный Веселовским, в конфиденциальном разговоре сказал мимоходом:

– Не находится ли Коханский под покровительством императора где-нибудь в Тироле?

Искусный сыщик ухватился за эту мысль. Он пошел прямо к канцлеру и принцу Евгению и сказал:

– Коханский находится в Тироле под покровительством императора.

Его высокопоставленные собеседники уверяли, что ничего не знают о царевиче, сам император повторил эту ложь.

В это время Петр прислал из Амстердама Веселовскому на помощь капитана гвардии Румянцева с тремя решительными офицерами с приказанием схватить царевича даже на земле императора, если они его найдут, и собственноручное письмо Карлу VI с требованием немедленной выдачи его сына.

Веселовский посчитал преждевременным передавать письмо Карлу, но немедленно отправил Румянцева в Тироль для расследования.

Румянцев вернулся двадцать второго апреля в Вену; он разъезжал в Тироле по горам и узнал о существовании крепости Эренберг. Местные жители кое о чем догадывались: они полагают, что в государственной тюрьме заключено какое-то важное венгерское или польское лицо. Веселовский более не сомневался, он попросил аудиенции у императора и передал ему письмо царя. Карл, улыбаясь, сказал, что наведет справку у своих министров. Между тем Веселовский снова отправляет Румянцева в Тироль с паспортом шведского офицера. Румянцев с товарищами получили приказание от Веселовского поселиться в деревне Реутте, близ Эренберга, подстерегать узника и попытаться схватить его. Румянцев считал это предприятие исполнимым,

так как гарнизон крепости состоял только из двадцати солдат и приступил, так сказать, к осаде крепости. Несмотря на частые неприятности от императорских чиновников, он беспрестанно бродил вокруг крепости, наконец увидел в ней молодого человека, в котором узнал Алексея Петровича; он немедленно известил обо всем Веселовского. Последний, имея в руках письмо Румянцева, начал решительнее и чаще являться к принцу Евгению и к самому императору. Как тот, так и другой уже не могли скрыть тайны и только старались затянуть дело, обещая хлопотать перед царем за сына. При этом венский кабинет не желал разрыва с царем из-за Алексея. Поэтому австрийские дипломаты считали за лучшее посоветовать царевичу бежать в более отдаленную страну.

В мае канцелярский писец сидел в пивной и ждал Веселовского.

– Что нового? – спросил Веселовский писца, входя в пивную и подавая ему руку.

– У меня очень важная новость, – отвечал тот таинственно.

– А именно?

– Это стоит две кружки пива, – отвечал писец, улыбаясь.

Веселовский велел подать две кружки пива.

– Кюль послан в крепость Эренберг, – сказал писец шепотом.

Действительно, Кюль приехал в Эренберг и немедленно вошел к царевичу.

– Ваше высочество, – сказал он ему, – ваши дела принимают дурной оборот.

– Что произошло? – спросил Алексей, побледнев как полотно.

– Веселовский открыл ваше убежище, вас узнали его сыщики, и царь требует вашей выдачи.

– Что теперь делать? – спросил царевич, едва выговаривая слова от испуга. – Что император думает сделать со мной?

– Вам нужно бежать дальше, немедленно и без ваших людей.

– Куда же?

– В Италию. Там вы будете также под покровительством императора.

При этих словах Алексей несколько ободрился.

– Вы мне позволите по крайней мере взять с собой моего паж (подразумеваю переодетую Афросину)?

Кюль согласился.

Однажды утром в начале мая Кюль со своими двумя спутниками уехал из крепости по пути в Италию.

На полдороге от Неаполя государственный секретарь писал канцлеру: «Все идет хорошо, но мне стоит большого труда удержать моих спутников от пьянства и уговорить их, чтобы они не шумели. Я замечаю подозрительных лиц, следящих за нами».

Кюль также сообщил, что он случайно заметил, что паж царевича принадлежит к женскому полу; это известие очень позабавило старых дипломатов в Вене.

Подозрительные лица, о которых писал Кюль, были Румянцев со своими людьми. Предупрежденный Веселовским, Румянцев зорко наблюдал за крепостью и от его бдительности не ускользнул отъезд царевича. Он последовал за ним на почтовых в Италию и не терял его из вида. В Мантуе Румянцев догнал царевича и известил об этом Веселовского.

Почти одновременно царевич и Румянцев подъехали к воротам Неаполя. В этом городе Румянцев потерял следы царевича. Но он теперь знал, где находится Алексей и где долго нельзя было его скрывать. Румянцев вернулся в Вену, чтобы сообщить обо всем своему начальнику. Веселовский тотчас же послал его в Петербург с подробным донесением государю.

Через некоторое время польский посланник в Риме сообщил Веселовскому точные сведения о местонахождении царевича: сын Петра был заключен в замке Святого Эльма в Неаполе. Веселовский немедленно известил царя, находившегося в это время в Спа, об этой важ-

ной новости и запросил новых инструкций. Но царь уже до этого отослал Румянцева в Вену в сопровождении одного из своих искуснейших советников – Петра Толстого.

Толстой очень хитрый человек, когда-то изучавший в Венеции искусство кораблестроения, знал Италию и говорил по-итальянски. Петр дал ему подробные письменные инструкции и собственноручное письмо к Карлу VI. Толстой должен был со всей ясностью показать императору, что его поступок по отношению к союзному государю и отцу семейства неблагоприятен, и настаивать на письменном ответе. Если Толстому не удастся достигнуть выдачи царевича, то он должен выпросить позволения переговорить с узником от имени отца и постараться убедить Алексея подчиниться требованиям царя и возвратиться в Россию, обещая ему отцовское прощение.

Толстой добился в Вене дозволения ехать в Неаполь и увидеться с царевичем. В тот же день, как Толстой уехал в Италию, из Вены послан был курьер к неаполитанскому вице-королю, графу Дауну, с инструкциями от императора Карла: «Вы примете Толстого с почетом как уполномоченного Петра I. Вы немедленно назначите день и час свидания его с сыном царя, но вы должны предупредить об этом царевича за несколько часов до встречи. Если царевич откажется принять посланника царя, то объявите ему мою неременную волю, чтобы это свидание состоялось. Вы или кто из ваших подчиненных будете присутствовать при их разговорах. Податель сего знает русский язык и может вам служить в этом случае толмачом. Примите меры предосторожности, чтобы никто из москвичей не мог оскорбить царевича рукоприкладством: москвичи – люди, способные на все. Если царевич согласится последовать за Толстым и возвратиться к отцу, то вы его немедленно выпустите на свободу. Если откажется, то он должен вам изложить письменно причины своего невозвращения на Родину и также его желания, которые вы сообщите мне. Можете ему сказать, что гнев его отца возбужден преимущественно переодетой женщиной, которую он везет с собой, и что удаление ее облегчит примирение с царем. Но было бы хорошо узнать намерение царевича прежде, чем он успеет поговорить с этой женщиной, так чтобы она не могла побудить его к сопротивлению».

Граф Даун понял, что венский двор не требует от него слишком усердно заступаться за Алексея.

Толстой и Румянцев прибыли в Неаполь и тотчас же представились вице-королю. Последний принял их со всеми возможными почестями и обещал им устроить свидание с царевичем послезавтра в его собственном дворце.

Царевич с ужасом узнал о прибытии Толстого. Пришлось передать ему формальное приказание императора, чтобы он согласился на свидание с посланником Петра. Когда двадцать шестого сентября его привезли во дворец, он находился в состоянии, достойном сожаления: бледный как смерть, он дрожал всем телом. Толстой передал ему письмо от Петра, которое заканчивалось следующими словами:

«Если ты послушаешься, то клянусь божественною справедливостью, что тебя не постигнет никакое наказание; если повинуешься и вернешься назад, я тебе возвращу всю свою привязанность, если же сопротивишься, то как отец и как царь, назначенный небом, я тебя прокляну навсегда, а как государь я тебя объявлю изменником и буду тебя преследовать без пощады. Я тебя накажу с Божьею помощью».

Алексей не давал никакого ответа.

Через два дня состоялось второе свидание у вице-короля, также без всякого результата. Толстой начал сердиться и высказывать угрозы. Он уверял Алексея, что царь сумеет поймать его живым или мертвым. «Я сам получил приказание, – сказал он, – не терять вас из вида и схватить вас где будет возможно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.